

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на уже устоявшемся в науке международного права и практике международных отношений представлении о комплементарности международного гуманитарного права и международного права прав человека, проведенное исследование, во главу которого было поставлено изучение соотношения не отраслей, а отдельных норм, позволяет сделать вывод о том, что ряд норм международного гуманитарного права и международного права прав человека не просто пересекаются и могут применяться совместно, а объединяются и формируют единый массив правил, регулирующих основные права человека в вооруженных конфликтах.

Если комплементарность, т.е. возможность совместного применения и взаимодополняемость норм обеих отраслей, вытекает из самих положений договорных источников международного гуманитарного права и международного права прав человека, а также подкрепляется п. 3 «с» ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, фиксирующей общее правило толкования международных договоров в контексте других применимых норм международного права, то интеграция подразумевает принципиально иной уровень соотношения этих норм. Ее смысл состоит в объединении и формировании единого целого. Возможность интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в области защиты прав человека следует из применимости к ним конструкции субъективных публичных прав и корреспондирующих им обязанностей.

Интеграция норм обеих отраслей международного права проявляется по двум направлениям. Во-первых, нормы международного гуманитарного права участвуют в формировании предела для ограничения государствами прав человека в вооруженных конфликтах. В исследовании сделан важный вывод о том, что в связи с тем, что права человека, от которых нельзя отступать во время вооруженного конфликта, тем не менее, если это не прямо не запрещено, могут быть ограничены, особое значение приобретает установление той грани, которую не могут переступить адресаты обязанностей по соблюдению прав человека, ограничивая основные права в ситуации вооруженного конфликта. Ядро прав, которое нельзя ограничить даже в ситуации вооруженного конфликта, или «минимальную планку», которая не может

быть пересечена при ограничении прав человека, составляют нормы трех отраслей: международного права прав человека, международного гуманитарного права и международного уголовного права. При этом в ходе продолжающейся гуманизации норм международного права, действующих в вооруженных конфликтах, количество и содержание прав, которые не могут быть ограничены, имеют тенденцию к увеличению. Этому способствуют как разрастающийся массив практики международных судебных и квазисудебных органов по правам человека, а также международных и смешанных уголовных судов, так и изменение подходов государств к регулированию возможности ограничивать права человека, что, в свою очередь, становится основой для формирования новых международных обычаев, усиливающих «неизменное ядро» прав человека.

Во-вторых, практика применения договорных норм международного права ЕСПЧ и Комитетом по правам человека ООН позволяет сделать вывод о формировании комплексных тестов проверки правомерности лишения жизни и лишения свободы в вооруженных конфликтах, прежде всего немеждународного характера. Сущность этого подхода заключается в том, что критерии абсолютной необходимости и пропорциональности, так же как и в мирное время, рассматриваются в качестве применимых к случаям лишения жизни в вооруженных конфликтах и их содержание уже не сводится путем толкования исключительно к тем нормам, которые закреплены в источниках международного гуманитарного или уголовного права. «Законность» лишения свободы должна устанавливаться в соответствии с нормами обеих отраслей международного права, что приводит к увеличению числа требований, предъявляемых к наличию и качеству нормативно-правовой базы, регулирующей применение этих мер. При определении объема процессуальных гарантий, которые должны предоставляться лицам, лишенным свободы в вооруженных конфликтах международного характера, также должны применяться нормы обеих отраслей международного права. Увеличение числа прав и свобод, от которых не допускается отступление, а также формирование международных обычаев, посвященных борьбе с насильственными исчезновениями, привели к расширению объема прав, которые в соответствии с международным правом должны предоставляться лицам, задержанным в ходе международных и немеждународных вооруженных конфликтов.

Рассуждения об интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека были бы неполными без установления пределов совместной применимости этих норм. Главным

ограничителем в этой связи выступает применение международного права прав человека в пространстве и по кругу лиц.

Считалось, что сфера применения международных договоров по правам человека в международных вооруженных конфликтах серьезно ограничена *ratione loci* из-за отсутствия у государства эффективного контроля над территорией, на которой ведутся военные действия. Именно этот тезис являлся центральным в решении ЕСПЧ по делу «Банкович и др.» 2001 г. Однако с течением времени этот суд постепенно пересмотрел ключевые правовые позиции, положенные в основу данного решения. В отличие от ЕСПЧ ни Комитет по правам человека ООН, ни Межамериканские комиссия и суд по правам человека не квалифицировали ситуации осуществления ограниченного контроля над территорией или конкретными лицами в качестве выпадающих из сферы действия Международного пакта о гражданских и политических правах и Американской конвенции о правах человека. Таким образом, международные договоры по правам человека могут применяться в вооруженных конфликтах, имеющих место как на территории конкретного государства-участника, так и за ее пределами. Соответственно, ограничение применимости основных универсальных и региональных международных договоров по правам человека осуществлением юрисдикции со стороны государств-участников не является препятствием для распространения сферы их действия на вооруженные конфликты, происходящие за пределами территории как самих государств, вовлеченных в конфликт, так и государств – участников соответствующего договора. Действие этих договоров может основываться на осуществлении эффективного контроля не только над территорией, но и над лицами. При этом в качестве эффективного контроля над лицами должны квалифицироваться ситуации применения силы в отношении конкретных лиц вне зависимости от того, находятся ли они «в руках» стороны конфликта.

Что касается действия норм международного права прав человека по кругу лиц, то круг адресатов обязанностей по соблюдению прав человека не ограничивается только государствами, как это было принято считать ранее, и распространяется на международные организации, а также в силу формирующегося международного обычая и на неправительственные организованные вооруженные группы.

Многие ученые задаются вопросом: насколько велика разница между нормами международного гуманитарного права, взятыми отдельно, и теми правилами, применение которых следует из распространения норм международного права прав человека на вооруженные

конфликты? Теоретически этот вопрос имеет смысл для определения того, что именно изменилось в правовом регулировании применения силы с началом использования «интегрированного» теста по сравнению с нормами международного гуманитарного права.

По сути, в вопросе применения силы в боевых ситуациях использование предусмотренных международным правом прав человека критериев абсолютной необходимости и пропорциональности при оценке правомерности лишения жизни будет приводить к тем же результатам, к которым привело бы и применение исключительно норм международного гуманитарного права. Значение нового подхода состоит в том, что благодаря ему вносится ясность в оценку правомерности применения силы во всех иных ситуациях. Во-первых, снимаются сложности, связанные с квалификацией ситуации, а это и полифоничность оценок, и трудности установления фактов, и юридические споры о минимальной границе «вооруженных конфликтов», и проблемы классификации конфликтов на международные и немеждународные. Во-вторых, существенно снижается возможность государства манипулировать как фактами, так и правом, признавая или нет наличие вооруженного конфликта, объявляя ту или иную операцию «военной», «боевой», «антитеррористической» или «полицейской». В-третьих, в условиях отсутствия международных механизмов по контролю за соблюдением международного гуманитарного права, а также более чем сдержанной позиции государств в отношении совершенствования действующих договорных норм особое значение приобретает возможность жертв обращаться в международные судебные и квазисудебные органы за защитой своих прав и взыскивать компенсацию. При этом практика этих органов, несомненно, будет обогащать развитие правил, применимых в вооруженных конфликтах.

В результате интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека происходит усиление защиты прав человека в вооруженных конфликтах, что, как представляется, знаменует принципиально новый виток развития международного права в гуманитарной сфере.